

КРИТИКА КРИТИКИ

Лит. Россия, 1985, Июнь

ТВОРЧЕСТВО Г. Маркова давно уже привлекает внимание и читателей, и критики. Отдельные издания его произведений, два собрания сочинений, многочисленные статьи о нем, книга С. Смоляницкого «На земле отцов. Очерк творчества Георгия Маркова» — все это свидетельствует о живом интересе к одному из крупнейших наших писателей. Сейчас постижение созданного им художественного мира обогатилось монографией И. Мотяшова «Георгий Марков».

Что в первую очередь отличает это исследование? Я бы сказал — стремление раскрыть связь творчества писателя с его биографией, с народной жизнью, с той почвой, которая взрастила его и его талант. Для критика представляется несомненным, что высота подлинного творчества «раньше всего определяется значительностью биографии художника, величиной идейных и нравственных параметров его собственной жизни. А те в свою очередь во многом предрешены разветвленностью и прочностью корней, связывающих творческую личность с многослойной почвой народной судьбы...». Эта связь, характерная для нашей литературы вообще, у Георгия Маркова особенно сильна и органична. И, желая ее выявить и всесторонне подчеркнуть, критик, естественно, избрал для своего исследования жанр очерка жизни и творчества, в котором анализ произведений писателя перемежается с рассказом о его жизни и общественной деятельности.

Не случайно, что большое внимание уделено в его книге детству и юности Г. Маркова. Писатель сам неоднократно говорил о том, что все написанное им связано с изначальными впечатлениями детских и юношеских лет. И вот, когда мы читаем первые главы книги, где говорится о семье Марковых, о их родном таежном селе Ново-Кускове, о жизни будущего писателя в годы великих революционных событий, о его участии в строительстве новой жизни, о людях, его окружавших, то зачастую узнаем в них героев его произведений. Брат его бабушки Афиноген Данилович Печенин — да это дед Фишка из «Строговых». Проводник Ефим Волков — да это Ефим Власов из «Сибири». А отец писателя Моксей Фролович — разве организованная им коммуна на Васюгане не напоминает коммуны Романа Бастрыкова в романе «Отец и сын»? Конечно, образы, созданные Г. Марковым, — это не просто портреты реальных людей, а художественные обобщения, типы. Но в них сконцентрированы черты, наблюдаемые в

жизни, художественно и философски осмысленные писателем. Эту неразрывную и органическую связь прозы Г. Маркова с народной жизнью И. Мотяшов последовательно выявляет, анализируя его произведения от «Строговых» до романа «Грядущему веку».

Но не только события и человеческие судьбы, запавшие в память в юные годы, отразились в творчестве Г. Маркова. В нем воплотились усвоенные с детства народные представления о добре и зле, народные нормы нравственности. Оно проникнуто (и это подчеркивает И. Мотяшов, анализируя марковские романы) тем пафосом революционных преобразований, который вооду-

шевлял будущего писателя в юности и который столь ощутим во всех его произведениях. Оно проникнуто, как справедливо замечает критик, особым мироощущением, сложившимся еще в детстве, чувством органической радости жизни, чувством, которое явилось, по словам самого писателя, первотолчком к художественному творчеству. И, наконец, для художественного дара Г. Маркова характерна свежесть и непосредственность восприятия природы, которая одарила читателей чудесными картинами, раскрывающими красоту родной земли.

Все эти душевные качества во многом определили самобытность, народность художественного таланта Г. Маркова. Но, естественно, они не были чем-то застывшим и неизменным. Рисуя его творческий путь, критик показывает их развитие в марковской прозе. Одной из несомненных удач критика является глава, посвященная роману «Строгоды». В свете первых трех глав книги, рассказывающих о писательской жизни Г. Маркова, о его активной комсомольской деятельности, о напряженной учебе, о его первых публицистических выступлениях, о его мечте стать писателем, становится понятным, как он мог войти в литературу с широким и художественно зрелым историко-социальным полотном, в котором выявились основные черты его писательского мастерства. Эти черты выступают весьма отчетливо и тогда, когда критик сопоставляет манеру письма Г. Маркова с манерой его любимого писателя В. Шишкова, и когда анализирует основные образы романа, и когда показывает психологическое мастерство, которое поразило такого крупного мастера, как Бабель. И что очень важно:

И. Мотяшову в ряде случаев удается показать, как в характерах героев Г. Маркова выявляется диалектика крестьянской души, взбудораженной революцией, раскрывается общечеловеческий смысл классовых столкновений на селе. Художественный мир, возникший из-под пера автора «Строговых», обогащается и развивается в его последующих произведениях. Проследивая творческий путь Г. Маркова, критик стремится уловить закономерности этого пути. Оставаясь верным своей основной теме — теме Сибири, писатель обращается не только к ее революционному прошлому, но и к настоящему — романы «Соль земли» и

устремленностью в будущее. Углубляется психологический анализ, усиливается философское начало, заостряется публицистичность. В последнем, еще незавершенном романе как центральный выдвигается новый герой, отличающийся масштабностью мышления и новым стилем руководства, отвечающим дальнейшей демократизации нашего общества.

Выдвигая все эти правильные, на мой взгляд, положения и наблюдения, автор монографии не всегда в достаточной мере их аргументирует. Характеристика намеченных им тенденций развития творчества Г. Маркова требует большей опоры на текст, на анализ образов и коллизий. Стремясь показать связь творческого пути Г. Маркова с движением всей нашей литературы, И. Мотяшов ограничивается перечислением произведений, появившихся одновременно с тем или иным марковским романом. Но это лишь первый шаг к решению поставленной проблемы, дальнейшая ее разработка требует исследования того, как общие художественные, социальные и нравственные проблемы, вставшие перед нашей литературой, получали свое, определяемое творческой индивидуальностью Г. Маркова воплощение в его романах.

И еще одно замечание. В последней главе своей книги И. Мотяшов говорит об органическом сочетании творчества Г. Маркова с его политической и организаторской деятельностью. Обязанности члена ЦК КПСС и депутата Верховного Совета СССР, работа первого секретаря правления Союза советских писателей — это школа огромного общественно-политического опыта, который обогатил и обогащает Г. Маркова как художника, обогащает масштабность мышления и государственным подходом к решению важнейших проблем современности. Вот эту мысль следовало бы попытаться раскрыть, анализируя его последний роман «Грядущему веку».

Но указать на те или иные проблемы гораздо легче, чем их восполнить. Высказывая свои пожелания, я хочу подчеркнуть, что книга И. Мотяшова — это результат большой исследовательской и творческой работы, что ее отличает не только основательное знание творчества одного из крупнейших современных советских писателей, но и любовь к нему. Конечно, художественный мир, созданный Г. Марковым, настолько богат и многообразен, что изучение его предполагает появление все новых и новых исследований. Но книга И. Мотяшова не утратит своего значения как одна из первых монографий, воссоздающих творческий и жизненный путь выдающегося советского художника.

М. КОЗЬМИН

ПУТЬ ХУДОЖНИКА И ГРАЖДАНИНА

И. Мотяшов, «Георгий Марков». Издательство «Художественная литература». 1984. 328 стр. 1 руб.

И. Мотяшов, «Георгий Марков». Издательство «Художественная литература». 1984. 328 стр. 1 руб.